

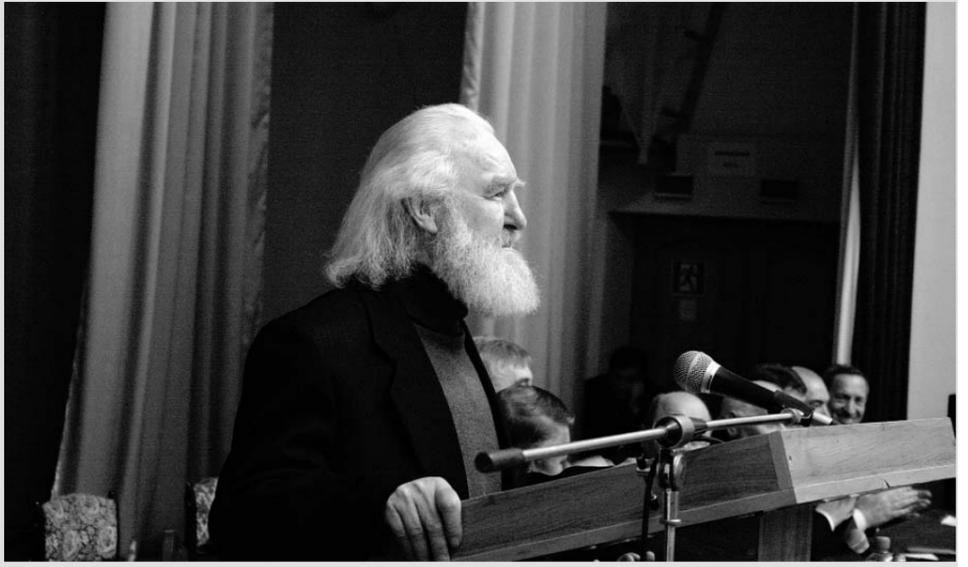
Прощай, поэт земли
орловской,
Себя России посвятил,
В стихах родные отголоски
Из сердца нежно выносил.

Ты воспевал края родные
С большой нежностью творца,
Твоя поэзия поныне
В сердцах осталась до конца.

Писал о матери ты с болью,
С войны оставшейся вдовой,
И об отце с великой скорбью —
Он не пришел с передовой.

О них писал, слезу роняя,
Судьбой ранимый до конца,
Прими его, земля родная,
Литературного певца.

Николай САПРЫКИН.

Поэты не уходят

Накануне дня прощания с поэтом в Орловском отделении Союза писателей России собрались его друзья, коллеги, единомышленники, чтобы почтить память этого светлого человека.

Геннадий Ерёмин:

— В 1965 году по рекомендации Василия Михайловича Катанова мои стихи попали в орловскую писательскую организацию. Мне крепко тогда досталось. Стихи были плохие... Но поднялся один человек и сказал: «Нет, вот у него есть строчка...» Это был Виктор Дронников. Он всегда поддерживал меня в самые трудные моменты жизни. Напечатал первое моё стихотворение «Танк» в 1966 году, сократив одну строфу. Так я начал публиковаться. Когда у меня были проблемы с издательством книги в Туле, Виктор Петрович позвонил по домашнему телефону, и книжка вышла. Мы спорили и ссорились, но постоянно чувствовали поддержку друг друга, что мы делаем одно благородное дело — может быть, каждый по-разному, но работа у нас была одна: чтобы поэзия помогла людям жить.

Андрей Фролов:

— В писательской организации я самый молодой и знал Виктора Петровича только последние десять лет. В 1997 году я пришёл на семинар в Союзе писателей, как бы с улицы, не от литобъединения, а самоходом. Конечно, меня тут здорово потрепали. А потом встал Виктор Петрович и сказал: «Пустое дерево не трясёт». Он любил повторять эту фразу. Мои стихи он выделил, так что могу считаться и его крестником тоже. В личной жизни мы не очень-то пересекались. Но как человек творческий он для меня поэт огромной силы. Несмотря на то, что слыл человеком общительным, бойким, он был очень стеснительным. Не мог никого обидеть, он как бы отстранялся от этого.

Валентина Корнева:

— У Виктора Петровича как у большого мастера много учеников. Поэты — люди своеобразные, не каждый стремится поделиться тем, что он знает, а вот Дронников был человеком большой души и каждому старался кусочек своего таланта отдать. Не случайно долгое время он вёл литобъединение. И даже когда не вёл, приходил к нам на занятия и очень внимательно вслушивался, всматривался в каждого молодого автора. Потом шло обсуждение, он заходил к Геннадию Андреевичу Попову, говорил: «Вот на этого парня надо обратить внимание, вот у этого интересное поэтическое дыхание, у другого — строчки хорошие». По сути дела, он возвращал поэтические та-

ланти. Ещё одно великое качество Виктора Петровича — он был правдоискателем и правдолюбом. Если была какая-то несправедливость, он пытался её исправить. Всегда приходил на помощь. Был очень неравнодушным человеком.

Анатолий Загородний:

— В 1996 году я приехал в Орёл из Казахстана. Перед тем как прийти в Союз, читал номер «Вешних вод» со стихами местных поэтов. Стихи одного человека я отметил особо: они царапали, впивались в душу, они были запоминающимися, неосторожными, неглядкими...

Дронников — человек невероятной искренности. Мы, обычные люди, такой искренности не допускаем, мы более холодные, сдержанные, рациональные. Вторая его черта — бесстрашие по отношению к жизни и смерти. Он ничего не боялся. От этой силы искренности, бесстрашия и высекалась искра поэзии. Его поэзию я ставлю в один ряд с Фетом, Есениным, Рубцовым и даже Пушкиным.

Мы много раз ездили в Орловское Полесье... Он, как странник, никогда ничего с собой не брал в дорогу. Полагался на людей. И в каком бы селе мы ни появлялись, нас везде тепло принимали. Орловское Полесье Витя исходил вдоль и поперёк. Его многие знали по стихам, по общению. В Се-

лихово у него прекрасный двор. Слива, кедр растёт, кто-то лимон маньчжурский привёз... Одну сосенку он называл Настей, подходил к ней, спрашивал: «Как ты здесь живёшь?»

В Дронникове я бы выделил такую черту, как нежность к людям. А ещё он был невероятно жадным на общение. Мы по 24 часа с ним могли разговаривать. Когда он говорит, то такие блёстки выдаёт. «В России мало одной, надо две жизни прожить», — его слова.

Хочу поделиться с вами одной историей. Вите был годик-полтора, было раннее утро, мать возилась в огороде, он спал во дворе в качалке, привязанной к дереву. Началась бомбёжка. Мать кинулась за ним. Всё одеяльце было изрешечено осколками, а ребёнок — цел и невредим. Видно, Бог его берёт.

Александр Лысенко:

— Впервые я услышал Дронникова ещё девятиклассником в сентябре 1966 года на вечере поэзии. Его удивительно тёплые стихи запали в душу. Потом была встреча в театре. Мы тогда ставили ряд спектаклей, и Виктор Петрович писал стихи к песням и постановкам. Наша третья встреча произошла в издательстве. В тяжёлый период, когда писатели были выброшены за борт, мы собирали у спонсоров крохи и смогли издать сборник «В пречистом сиянии». Виктор Петрович радовался ему, как какой-то необыкновенно большой книге. Он читал стихи из этого сборника в литературной горнице в Москве. Там были такие маститые пи-

сатели и поэты, как Михалков, Исаев, Куняев. Виктор Петрович прочитал пронзительный стих постперестроечной поры «Копытитесь в мусоре старик». У многих выступили на глазах слёзы.

Позже книги стали выходить по программе, которую приняла областная администрация... Иностранцы очевидцы и журналисты, освещавшие книжные ярмарки, подчёркивали высокий уровень и поэзии, и художественного оформления его книг. Сейчас в редакционной работе находится новая книга Дронникова. Думаю, что она выйдет, мы над этим работаем.

Владимир Переверзев:

— Мы познакомились с ним, когда я был ещё школьником, 9-10-классником, а Виктор уже работал в «Орловском комсомольце». Мы приходили к нему в гости, хотя это не то слово. Виктор нас как бы собирал, как бы притягивал. Я должен сказать, что тогда все делились на физиков и лириков. Из нашего класса вышли четыре человека — члена Союза писателей России. Физики тоже кое-чего добились... Но в том, что лирики стали писателями, во многом заслуга Виктора Дронникова. Он уже тогда был для нас мэтром. Конечно, мы иронизировали над первыми его сборниками, как это свойственно молодым, мы ловили у него слабые строчки, и порой он с нами соглашался. Но Виктор на самом деле был связующим звеном между Золотым и Серебряным веком русской поэзии и нашей современностью. Это само по себе звучит абсурдно, ведь наша

современность к этим векам, кажется, не имеет никакого отношения. Однако Витя жил так, что она имеет отношение... И его отношение к слову, оно, конечно же, в его стихах, оно, конечно же, передалось и нам, оно, конечно же, есть в нашем творчестве.

Ушёл большой русский поэт, их не так много в России, как кажется. Виктор был по-настоящему большим русским поэтом. Я это заявляю со всей открытостью.

Геннадий Попов:

— Это был серьёзный поэт большого гражданского мужества. Он шёл иногда на грани фола. Его мнение было выстрадано. Дронников не торопился высказывать своё мнение, но он никогда его не конвертировал в угоду ситуации, власти, своим личным проблемам. Недруги его обвиняли во многом. А он отстаивал главным образом гражданственность, патриотизм и высокое поэтическое слово. Здесь он был бескомпромиссным.

Для меня как председателя правления орловской организации это потеря не только друга и соратника — может быть, ключевой фигуры нашей организации с тех пор, как ушли её основатели. Сейчас наша самая главная задача — молодые силы. В этом вопросе мы с ним были единомышленниками, он как руководитель секции поэзии всегда держал высокую планку. Надо искать таланты. Хотя такие таланты рождаются раз в сто лет.

У него было удивительное единение с природой. Как-то ходили с ним по Оке, тихо было, а он и говорит: «Хочешь, сейчас дерево зашумит?» — и дерево зашумело.

Витя — он витязь. Почему? Он понимал, что обречён, и тем не менее вёл себя так, как будто впереди — целая жизнь. Как всякий великий человек, он оставил большой архив и не оставил воспоминаний, дневниковых записей. Не то чтобы он был «ленив и нелюбопытен», а потому что думал, что у него времени больше, чем есть на самом деле. Заторопился только в самый последний момент. Я думаю, он всё знал, но, как нормальный русский мужик, поэт гнал от себя эту мысль прочь. Он не произнёс ни одной фатальной фразы.

Сегодня вместе с нами скорбят орловские москвичи Геннадий Фролов, Валерий Рогов, Владимир Муссолитин, Лев Чочетков, Николай Старченко. Они все передают соболезнования. Мы провожаем его в последний путь как человека земного, а как человека творческого мы его только будем открывать.

Записала
Ольга ЧАНОВА.

Окрашены небесной синью
Верхушки стареньких осин...
С тревогой вечной за Россию
Средь росных трав стою один.

И в эту даль гляжу до боли,
Ищу ответ на свой вопрос.
Польною горькой пахнет поле,
И все вокруг дрожит от слез...

За светом тьма идет по следу,
И сколько небо ни проси,
Покоя не было и нету
На неприкаянной Руси.

Александр БЫВШЕВ.
Пос. Кромы.

В НИКУДА

Памяти Друга

Ушел из жизни Друг. Виктор Петрович Дронников был настоящим другом, настоящим патриотом России, человеком с большой буквы. Он, как истинный русский поэт, глубоко переживал за все трудности и неудачи последних лет, искренне радовался успехам и победам нашего народа. В своих стихах он отражал самые сокровенные мысли, говорил о самых святых чувствах: о любви и дружбе, об уважении к нашим русским корням, к нашей великой России и малой родине — Орловщине. Каждое слово, каждая строка его произведений напоены из чистых родников русской словесности высокой гражданственностью и патриотизмом.

Отчизна! Родина! Россия! —
Мои вершинные слова.
В них неотъемлемая сила,
Тысячелетние права
На то, чтоб жить под русской
синью

От русских дел не в стороне.
И жить не пасынком, а сыном
В самодостаточной стране.
Неважно — тихо или громко
Слова звучат тебе окрест.
Они твой посох и котомка,
Они твой жертвенник
и крест.

Их свет не вычерпать,
не вызвать...
Они от Бога на земле!
Россия, Родина, Отчизна —
Слова в единственном числе.

Рожденный накануне Великой
Отечественной войны, Виктор
Дронников, как и все дети войны,
впитал каждой клеточкой и ужас
нашествия, и скорбь потерь, и тя-
готы возрождения страны, но са-
мое главное — радость Победы и
дух русских солдат-победителей.

РОВЕСНИКАМ

Нам надо помнить,
Для какой отваги
Мужчинам плечи крепкие
даны.

Уже малы отцовские рубахи
Парням,
Рожденным в грохоте войны.
Рожали нас
Орловские и курские
Седые матери.
...Проклятая война.
Рожали нас под окрики
нерусские,
но русские давали имена.
И сколько смерть до времени
скосила,
Ты утешала семьи,
как могла,

И плакала,
Большая мать Россия,
По каждому,
Кого не сберегла.
А тем, кого сиротство
закружило,
С вагонных крыш
товарняков сняла,
Назвалась мамой,
И усыновила,
И в отчество Отечество
дала.

За колыбель,
За песни ветровые,
За все добро
верить!
Но только критикам
не верь...

Расплатимся сполна.
В святом для сердца имени
— Россия —
Да укрепятся наши имена.

Последние два года мне
посчастливилось часто встре-
чаться и общаться с Виктором
Петровичем. Вместе с нашим гу-
бернатором Егором Семенови-
чем Строевым мы объехали всю
область. Виктор Петрович вы-
ступал перед большими аудито-
риями, он читал свои проникно-
венные стихи о нашем времени,
о людях, о России, встающей с
колен, и люди аплодировали ему
стоя, со слезами на глазах.

Вот истинное счастье поэта,
вот вершина славы. И не могу не
сказать о другом, когда «Орлов-
ская искра» напечатала грязный
пасквиль за подписью некоего
Афонины, это был подлый удар.
Поэт Дронников очень сильно пе-
реживал, но потом решил не от-
вечать на подленький выпад. Его
стихи являются лучшим ответом
клеветникам:

Я никому не подражаю,
Попробуй Фету подражать.
Но как поэт я возражаю,
Что можно Фету возражать.

Я от Есенина пьянею,
И невозможно не пьянеть.
Я, как Есенин, не умею...
В поэзии нельзя уметь.

Поэзию нельзя измерить,
Попробуй Тютчева измерь.
Поэтам русским надо

Ушел Друг. Он умел дружить
по-русски, по-мужски. Умел под-
держать в трудную минуту и под-
ставить плечо. Ушел от нас Ве-
ликий Русский Поэт. Но остались
его стихи, они как его дети бу-
дут жить. Это живая история Рос-
сии в стихах честных, искренних,
как и он сам — Виктор Петрович
Дронников. Светлая Вам память
и царствие небесное. Прощай,
Друг. Ты был настоящим русским
витазем и навсегда останешься
с нами.

МОЛЕНИЕ О ВИТЯЗЕ

За ушедшего на битву,
За последний русский край
Я шепчу одну молитву:
— Витязь мой, не умирай...
Подрывной волной
фугасной

Гнут Россию на излом.
Господи, не дай погаснуть
Русской жизни под огнем.
По крови бежит остуда,
Как от раны ножевой.
Витязь мой, приди оттуда
Невредимый и живой.

Сколько русской крови
льется...

Господи, не покидай
Всех, кто бился,
Всех, кто бьется
За последний русский край.
Вот и вся моя молитва
До последнего конца,
Только б слитно,
Только б слитно
Бились русские сердца.

Александр ТИХОНОВ.
(Стихи Виктора Петровича
Дронникова).

Последний звонок

Когда в суматохе редакционных будней раздавался его звонок, для меня это всегда означало «поэтическую передышку». В сторону откладывались бесконечные тексты, забывалась напряженная спешка ежедневной газеты: Дронников читал свои стихи.

В трубке раздавался его тихий, проникновенный голос, и без всякого пафоса, «по-домашнему», звучали потрясающе талантливые поэтические строки. В них не было ни стилистической вычурности, ни интеллектуальной зауми, которыми любят прикрываться посредственности. Он писал по-русски, на одном дыхании, как писали Есенин и Рубцов. Кажалось, строчки не придуманы только сейчас, а существовали изначально, во все времена, всегда, совершенные, как весь Божий мир, и надиктованы поэту свыше.

Да, он умел слышать Бога. Он был глубоко верующим человеком. В свои самые последние часы, как рассказывала его любимая жена и муза — Анна Александровна, Виктор Петрович попросил бумагу и продиктовал название книги, которую собирался написать, — «Православная дорожка»...

Никогда не забуду его последний звонок. В этот раз он тоже читал стихи. Но не свои. Другого поэта. «Слушай, — сказал он просветленным го-

лосом, предвещавшим поэтическое откровение, — ты, наверное, знаешь, чьи это стихи:

Вот бреду я вдоль большой
дороги
В тихом свете гаснущего дня...
Тяжело мне, замирают ноги...
Друг мой милый, видишь
ли меня?

Последнюю строчку он прочитал почти рыдая.

Да, я хорошо помнила это стихотворение и сказала ему: «Тютчев! Мое любимое!». И мы вместе дочитали его до конца. Не знаю, был ли известен ему тогда его страшный диагноз. Но, как кажется уже сейчас, он тогда прощался...

...На гражданскую панихиду собрались все, кто любил его и почитал его талант, а таких оказалось множество! «Я всегда любил его за честность, убежденность, за чистоту, за силу веры, за умение разговаривать с людьми, достучаться до сокровенного в душе каждого, — сказал Егор Семенович Строев на панихиде. — Я не просто любил Вас, Виктор Пет-

рович, я горжусь, что был Вашим современником. Говорят, поэт — существо особого склада. Он был человеком без кожи — так чувствовал он мир и людей. И передавал стихами то, что чувствовали и мыслили все мы. Его поэтические строки не могли не трогать до слез...».

Неистовый, холодный ветер нагнал в тот день тучи, закрыл солнце. Но все мы, кто пришел проститься с поэтом, трепетали не от нелетней стужи — от скорбного волнения, от тоски разлуки. И вспоминались пронзительные строки Тютчева. Они в этот час передавали чувства и мысли каждого из нас:

Все темней, темнее над
землю —
Улетел последний отблеск
дня...
Вот тот мир, где жили мы
с тобою,
Ангел мой, ты видишь ли
меня?
Завтра день молитвы
и печали,
Завтра память рокового дня...
Ангел мой, где б души
ни витали,
Ангел мой, ты видишь
ли меня?

Конечно, он нас видел. И видит. И перед его светлой памятью нельзя всем нам, оставшимся на земле, ни солгать, ни покривить душой, ни смолчать на неправедность, ни отвернуться от обиженных.

Татьяна ПАВЛОВА.

